Исследования

Белинский назвал Пушкина „гением объективного". Но позже Чернышевский заметил, что верность картин Пушкина ни к чему не обязывает. Реализм Пушкина пришёл, в конце концов, к приятию идеала народной жизни в наличности его политического бытия

Исследования

Отзыв о докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской литературе»

В. Б. Катаев

Московский государственный университет

В № 4 за 2017 год мы уже публиковали в этом разделе отзыв А. А. Илюшина о докторской диссертации Р. Г. Назирова. В архиве нашёлся и другой аналогичный документ: составленный примерно в то же время отзыв, составленный В. Б. Катаевым.

Текст публикуется с любезного разрешения автора.

Б. В. Орехов

Диссертация Р. Г. Назирова повящена одному, вполне конкретному аспекту традиций Пушкина и Гоголя в русской литературе. В центре внимания автора сравнительная история ряда литературных фабул, начало разработка которых положили в своих произведениях Пушкин и Гоголь. Под фабулами автор диссертации понимает «инвариантные типы сюжетов» (с. 3). Исследуются «фабульные традиции», «повторяемость к трансформация» пушкинских и гоголевских фабул в русской литературе на протяжении XIX века и частично - века XX.

В двух главах диссертации, каждая из которых разбита на 5 подглавок, прослеживается историческое развитие в литературе XIX – XX вв. фабул, восходящих к пушкинским произведениям. «Евгений Онегин» («онегинская фабула»), «Станционный смотритель» и «Медный всадник» («ограбление бедняка»), «Полтава» («фабула о колдуне-предателе»), «Капитанская дочка» («любовь среди народной войны»), «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», «Пиковая дама» («трагедия узурпатора»); и к гоголевским: «Сорочинская ярмарка» («фабула об избавлении девушки»), «Записки сумасшедшего» («фабула о мудрости безумца»), «Портрет» («фабула о продавшемся таланте»), II т. «Мертвых душ» («фабула о возрождении грешника» и «фабула о безвольном мечтателе»). Так обозначенные фабульные традиции прослеживаются как в «вершинных» произведениях русской литературы, так и - очень часто — в творчестве второстепенных писателей 19 в., в «забытых» произведениях.

Работа Р. Г. Назирова замечательна и актуальна прежде всего по своему замыслу, по постановке проблемы. В советском литературоведении актуальным и наболевшим является вопрос об изучении специфики литературного процесса, собственно литературой преем-

ственности, тех конкретных литературных форм, которые в конечном счете связаны с надстроечными категориями, но в то же время обладают известной самостоятельностью своего развития. Это изучение специфики литературного искусства является наиболее трудным и наименее разработанным. В трудах Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина история литературного процесса исследовалась в связи с категориями стиля, жанра. Р. Г. Назиров исходит из убеждения, что сравнительная история литературных фабул восполняет пробел между историей жанров и анализом отдельного произведения (с. 2).

Автор вполне осведомлен в том, как прежде, начиная с работ А. Н. Веселовского, в литературоведении изучались фабулы (сюжеты). Но если в традиционной компаративистике почти всё сводилось к мелкой фактографии, к вопросу о влияниях, заимствованиях, возникала «мистика фабул», то для Назирова главное — как изменялись, трансформировались известные фабулы в творчестве различных писателей и в конкретных произведениях под влиянием факторов истории, общественного движения, индивидуальных творческих интересов. При этом диссертант использует богатейший материал, накопленный в советском литературоведении, о развитии писателей (чрезвычайно широк круг учтенных в диссертации историко-литературных исследований).

Диссертант задается вопросом: насколько, в каких пределах применим предлагаемый им подход к русской литературе XIX века? Р. Г. Назиров вполне отдает себе отчет в том, что в русской литературе эпохи реализма в центре внимания писателей чаще всего складывались типы, детерминированные социальной средой, что характеры и типы в русском реализе преобладают над сюжетами. Это создает впечатление известного «фабульного аскетизма»,явного или скрытого пренебрежения фабулой. Но для диссертанта не менее очевидно и иное: повторяющиеся литературные типы, не только отражают социально-историческую действительность, но и скрытым образом «цитируют» «родительские» фабулы. Сравнительная история литературных фабул призвана, по его мнению, описать важные внутренние закономерности литературного процесса, некоторую «коллективную традицию» (А. С. Бушмин), передаваемую в истории литературы.

Стремясь охватить «самые важные по идейно-художественной значимости фабулы русской классики», диссертант подчеркивает, что главная его задача — «не описание отдельных фабульных традиций, а их сопоставление» (с. 24). «Помещая конкретный сюжет в его традицию, — пишет он, — мы тем самым уясняем его объективную тенденцию в литературном процессе и меру новаторства писателя» (с. 25). Своеобразными «сверхзадачами» своего исследования Р. Г. Назиров считает построение «сравнительно-исторического описания главных фабульных традиций», а это служит «прочтению русской прозы в ее внутреннем единстве» (с. 25).

В выявляемых им десяти пушкинских и гоголевских фабулах Назиров видит «основной фабульный фонд» русской литературы. При этом диссертант учитывает непростой вопрос о традициях зарубежных литератур. Автор неоднократно демонстрирует блестящее владение обширным материалом мировой литературы, показывая, что русский основной

«фабульный фонд» имеет определенную предысторию в произведениях Гомера и Данте, Шекспира и Гете, Скотта и Стендаля, Манздони и Гофмана и т. д., и т. п. Однако, после того как этот фонд сложился к концу 30-х годов XIX в., доказывает диссертант, «внешние заимствования становятся менее важными; «мировые сюжеты» осваиваются в духе уже определившейся национальной традиции» (с. 361). В центре внимания диссертанта — национальное своеобразие русской фабульной традиции в тесном взаимодействии с традициями мировой литературы.

Сказанное выше свидетельствует об оригинальности и актуальности проблематики диссертации, ее теоретической значительности, внимании автора к методологическим аспектам истории русской литературы, марксистском подходе к специфике исследуемого предмета, стремлении решать вопросы на обширном историко-литературном материале. Внутреннее единство работе придает еще один ее исходный момент: в двух разделах диссертант пишет не о противостоянии пушкинской и гоголевской традиций, о чем и сейчас нередко приходится читать. «Русская литература, начиная с Гоголя, напряженно осваивала пушкинское наследие, а не обходила его» (с. 1). Опять-таки главное для исследователя — то, как видоизменялась пушкинская традиция в восприятии и художественной практике Гоголя и последующих поколений русских писателей.

Разумеется, в работе такого рода чрезвычайно важны конкретные сопоставления, то, насколько точными и убедительными являются прочерченные автором линии традиции. Как правило, то, в чем Назиров видит традицию и как, на каком материале он ее прослеживает, выглядит убедительно, хотя порой и неожиданно. Диссертация Р. Г. Назирова насыщена меткими наблюдениями, предельно конкретна в выводах и обобщениях, богата ранее не отмечавшимися связями и параллелями. Так, несомненный интерес представляет анализ повестей Помяловского как ступени к «Отцам и детям» Тургенева, рассмотрение «Бретера» Тургенева и «Тюфяка» Писемского как своеобразных «узловых», этапных произведений в развитии фабул, намеченное различие в использовании фантастики и гротеска в сходных по фабулам произведениях Пушкина и Гоголя, анализ связей между «Полтавой» и «Страшной местью», двоякой оценки народной стихии в «Капитанской дочке», полемических моментов в образе Наташи Ростовой по отношению к образу Татьяны Лариной и вообще пушкинского элемента в «Войне и мире», сопоставление «Войны и мира» и «Обрученных» Мандзони, указание на роль «Бориса Годунова» и «Моцарта и Сальери» в генезисе «Преступления и наказания», замечания о традициях многих фабул в чеховском творчестве и мн. др.

Это не значит, что в аргументации Назирова всё бесспорно и не к чему предъявить возражения и претензии. Так, мне кажется, что неточно определена исходная ситуация онегинской фабулы: здесь в центре герой — не пришелец-скептик, явившийся извне в мирную усадьбу (таковым Онегин предстает, пожалуй, в либретто оперы «Евгений Онегин»), а, скорее уж, скиталец, на пути которого усадьба — один из эпизодов, хотя и важнейший; отсюда и традиция выглядит несколько иначе. Пожалуй, более точно определил онегинскую

традицию Л. Пумпянский («роман искомого героя» — именно в этом в первую очередь состоит и связь с романом Лермонтова). Интересна попытка определить философское начало типа «лишнего человека» (диссертант видит его в гегелевском идеализме и в связи с этим «первый законченный образ «лишнего человека» для него — герценовский Бельтов, а также герои романов Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Некрасова, к ним близки тоскующие мечтатели молодого Достоевского). Но, думается, недостаточно видеть основу типа «лишнего человека» в гегелевском «примирении с действительностью». В качестве философско-психологического комплекса, лежащего в основе этого типа, можно считать неприятие действительности, среды, а также невозможность приложить к действительности свои силы и таланты.

Таким образом, по конкретным моментам могут быть разногласия и расхождения с Р. Г. Назировым. Но это не отменяет общей высокой оценки сделанных им анализов и сопоставлений. Автору нельзя отказать в праве на индивидуальное понимание той или иной сюжетной ситуации.

В порядке общих пожеланий выскажу следующее.

1. Следует в ряде мест снять налет излишней категоричности — оговорить, что традиции Пушкина и Гоголя, разумеется, не сводятся к фабульным (в работе это вполне учтено, во введении же нужных оговорок не сделано).

2. Автор пользуется разграничением понятий «сюжета» и «фабулы», ведущим начало с работ советских литературоведов 20-х годов; следует устранить некоторую непоследовательность в употреблении терминов: временами термин «сюжет» употребляется в том значении, которое автором принято для термина «фабула».

3. Недостаточно прояснен вопрос о том, насколько динамика литературного процесса определялась взаимодействием пушкинской и гоголевской традиций. Лермонтов лишь один раз рассмотрен как зачинатель фабулы, другим писателям дано не зачинать, а лишь трансформировать фабулы. Лишь в заключении сказано более или менее развернуто о роли лермонтовской традиции: об этом следовало сказать с самого начала, во введении.

С учетом высказанных замечаний диссертация Р. Г. Назирова может быть представлена к защите.

13.V.85

Доцент Катаев